
*Специальная тема выпуска:
Психология — с религией или без нее?
Продолжение дискуссии*

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие читатели!

В этом номере журнал публикует завершающий и наиболее объемный раздел дискуссии «Психология — с религией или без нее?». Как помнят читатели, дискуссия была начата в № 2 за этот год статьями священника и психолога А.В. Лоргуса, членов-корреспондентов Российской академии образования М.Ю. Кондратьева и В.И. Слободчикова и профессора В.М. Розина. В этом номере дискуссия продолжается статьями тех же четырех авторов, которые реагируют на тексты друг друга. К ним присоединяются одиннадцать других известных ученых, девять россиян и два иностранца, которые освещают разные стороны проблемы. «Зачинщикам» дискуссии была также предоставлена возможность написать заключительное слово, которой воспользовались М.Ю. Кондратьев и В.М. Розин.

Казалось бы, случайное временное совпадение: между двумя турами нашей дискуссии в июле 2007 г. появи-

лось открытое письмо к Президенту РФ десяти академиков РАН, среди которых два Нобелевских лауреата, под названием «Политика РПЦ: консолидация или развал страны?». Это письмо, критикующее по ряду направлений Русскую православную церковь, вызвало в прессе шквал разногласных откликов, прокатившийся по печатным и электронным средствам массовой информации.

Все же, думаю, совпадение не случайно, а отражает веяние Духа времени: нам в постатеистической культурной ситуации необходимо найти верное место для религии в жизни общества, в частности установить баланс между научным и религиозным мышлением. Именно из такого видения ситуации исходил журнал, когда, не навязывая позиции и не предвещая исхода, предложил видным психологам, стоящим на разных позициях, выразить свои точки зрения. В результате на страницах журнала состоялась первая в нашей стране крупная дискуссия по христианской психологии.

Наша дискуссия получилась острой и порой столь же эмоциональной, как и дебаты вокруг открытого письма академиков. Центральным пунктом разногласий стала возможность христианской психологии как одного из направлений психологии или даже как системы подходов и принципов, инкорпорированных в любое психологическое знание. А.В. Лоргус, В.И. Слободчиков, А.А. Гостев и Д.В. Сочивко убеждены в возможности и необходимости такой психологии. Оппонирующие им М.Ю. Кондратьев, В.М. Аллахвердов, Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьев, В.Ф. Спиридонов, однако, напоминают, что наука строится на принципиально отличных от религии основаниях: если в основе науки лежит проверяемость (верифицируемость, фальсифицируемость знаний), то религия следует откровению, догматам, традиции.

Ответ на этот принципиальный аргумент можно искать в плоскости неиндукционистского понимания науки. В современной психологии существуют предельные образы, или модели, человека, которые сами по себе не верифицируются, но создают язык, служат для «склейки», объединения в систему отдельных сциентистски верифицируемых построений. Таковы, например, образы Человека познающего у когнитивных психологов, Человека обучающегося у бихевиористов, Человека бессознательного, деятельностного, системного и т. д. Не может ли в этот же ряд встать Человек христианский, основанный на образе, созданном в религиозной антропологии? Авторы, принявшие участие в нашей дискуссии, намечают такую возможность.

Религиозное и научное мышление при этом выступают как кардинально различные по своим принципам, однако их продукты сопоставимы, образы мира, рисуемые одним, могут ассимилироваться другим. Подобный ход методологической мысли в наиболее ясной форме намечен, как это ни странно, не у А.В. Лоргуса или В.И. Слободчикова, а у В.М. Розина, позиционирующего себя как атеиста. При таком подходе дискуссия обращается к другому кругу вопросов. Насколько эвристичен для науки христианский образ человека? Насколько он релевантен современным проблемам? И не должна ли психология вообще стремиться к тому, чтобы вырваться из плена неverified образов?

Еще одна важная тема, поднятая в дискуссии, — религиозное сознание как неотъемлемая часть психической жизни людей и тем самым объект психологической науки. Некоторые участники дискуссии рассматривают это обстоятельство как аргумент в пользу необходимости религиозной психологии. Однако феноменология религиозного сознания достаточно продуктивно осмысливается и в секулярной психологии начиная от зарисовок У. Джемса на темы многообразия религиозного опыта до фундаментальных работ школы С. Московичи по проблеме обращения в веру и до современных подходов, некоторые из которых представлены в статьях Т. Де Чикко, А.И. Сосланда и Х. Фридмана.

Кроме чисто научных, поднимаются и вопросы общественные. Наука и религия — важнейшие институты современного общества, однако отношения между ними складываются

непросто, иногда приобретая черты противоборства. Истоки противоречий можно искать в различии ценностей, которое отмечается участниками нашей дискуссии: например, научная доблесть бесстрашия в познании мира может вступить в конфликт с добродетелью смиренного уважения к авторитету и традиции. В результате, например, В.П. Серкин прогнозирует между религией и наукой отношения взаимного скептицизма и недоверия. В.А. Пономаренко занимает другую позицию. Он концентрирует внимание на общем — и наука, и религия составляют часть той сферы, которая обозначается емким, но порой не очень конкретно определяемым словом духовность. Потеря духовности — это потеря для всех, и В.А. Пономаренко призывает психологию и религию к взаимодействию, поскольку поодиночке проблему духовности не решить. Такой сценарий взаимодействия был бы оптимален для развития общества и страны.

Еще одна группа вопросов касается места православного христианства. Все участники нашей дискус-

сии с религиозной стороны представляют именно эту конфессию, что отражает реальную расстановку в отечественной психологии. В то же время В.М. Аллахвердов, Г.В. Иванченко, В.П. Серкин отметили, что психологические знания развивались также и в рамках других религий и мистических учений. Восточные религиозно-мистические практики оказались востребованными в современной психотерапии. Это означает, что интерес психологии к религии не ограничивается одним лишь христианством.

Журнал не арбитр в дискуссии, а ее площадка. Да и научная дискуссия по природе своей — это не рыцарский турнир, где есть победители и побежденные. Об эффективности подходов узнаем по плодам их. Главная же задача дискуссии — прояснить в нашем психологическом сообществе вопрос о том, какую роль может играть религия в жизни современной психологической науки. И — привлечь внимание к этому вопросу.

Т.Н. Ушакова